

УДК: 2+32/17

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОРАЛИЗАЦИЯ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ КАК ФЕНОМЕН СЕКУЛЯРИЗАЦИИ МОРАЛИ

Петев Николай Иванович,

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых
(г. Владимир, Россия)

Морализация политики и социализация религии – это взаимосвязанные процессы внутри общества, целью которых является синхронизация различ-

ных сфер человеческой экзистенции. Однако этот процесс несёт деструктивные тенденции не только для самих религии и политики, но и главным образом для системы абсолютных моральных ценностей по причине становления утилитарных тенденций социумом.

В современном мире политика в своей идеологии часто апеллирует к понятию морали, и в частности к её абсолютной форме. Например, призыв к иницированию или пресечению какого-либо события, действия, ситуации драпируя его в форму морального долга, который может иметь категорический характер. Или, например, агитируя к защите человеческих ценностей и достоинства того, что этим по своему содержанию не обладает. Несомненно, что такая форма политической идеологии, подкрепляемая нравственными положениями, может иметь не просто статус правдоподобности, но и рассматриваться как несомненный факт и необходимость, хотя при этом имеет релятивный характер. А.А. Гусейнов указывает, что «мораль рассматривается как первооснова, своего рода высшая апелляционная инстанция в человеческих делах» [5, с. 692]. Спекулятивный искусственный синтез политической пропаганды и искажённая система нравственных положений (не имеющих содержания, а обладающих лишь внешней формой) эффективен для стимулирования определённого образа поведения, особенно если данное положение касается влияния на массы.

Если проанализировать категоричный характер абсолютной морали (иногда в своей высшей степени доходящий до детерминизма), к которой обращается политика, то обнаруживается парадокс: дихотомия ситуативной нравственности политики и абсолютных моральных принципов, норм и установок. Многие положения морали в качестве методов социального и политического управления критиковались многими мыслителями. Например, легисты отрицали необходимость нравственных добродетелей и личного примера, в частности правителя, считали, что для управления необходимо лишь авторитет и метод наказания (поощрения) [9, с. 184]. Макиавелли Н. отмечал, что правитель не должен чураться зла, а иногда и отступаться от добра ради сохранения государства [6, с. 100-101, 108]. Гоббс Т. писал, что все, что делается для поддержания мира и ради самосохранения мира, делается правильно [4, с. 64]. Таким образом, можно предположить, что нечто, что будет определено моралью как зло (порок), в рамках политики может рассматриваться как добро (благо).

Дело в том, что для манипуляции индивидом морализация политики имеет практический, иногда спекулятивный и пропагандистский характер. Все постулаты и положения политической морали не имеют никакой связи с абсолютными нравственными ценностями, хотя часто обращаются к ним.¹ Ангажирование морали в политику – это осознанная драпировка социальных и экономических целей и интересов с элементами нарушения причинно-следственных связей, логики, обращение к иррациональной сфере, а также с иницированием феноменов подмены ценностей и аксиологической ошибки. Критерий политической моральности – успех и польза, что часто предполагает использование методов

¹ Барт Р. приводит пример с понятием «политическая совесть», которым обозначается практическая чуткость к реальностям духа, к нюансам, что даёт легитимность на «умиротворение» и подобные вмешательства в политику иных стран (пример с христианами и Африкой) [1, с. 209]. Таким образом, спекулируя нравственными понятиями, оправдывается политическое (насильственное) вмешательство и манипуляция.

антагонистичных абсолютным моральным ценностям.¹ В действительности, достаточно алогично и иррационально требовать от политики соответствия требованиям и установкам абсолютной морали, так как следование нормам абсолютной морали противоречит самой природе политики, особенно учитывая её спекулятивный, утилитарный характер.

Морализация политики – это процесс, при котором идеология приобретает статус абсолютной морали, ведь каждый её постулат облечён нравственной необходимостью, гуманистическими призывами, положениями всеобщего блага и т.д. Но по содержанию он никоим образом не связан с высшими нравственными ценностями, даже несмотря на интонированную и яркую аутентичность моральной составляющей того или иного политического аспекта.² Более того, данный процесс ведёт к деградации, как и феномена морали, так и политики. В политике – спекуляция моральными пустыми понятиями ведёт к оскудению внутреннего содержания самой политики, она становится метафизична, то есть теряет свою связь с объективностью, фактами, событиями, секуляризуется её практическая функция (сокращается до утилитарных целей одного или нескольких). В области морали – это редукция абсолютных нравственных ценностей до уровня материальных прагматических целей, то есть секуляризация, деформация и подмена внутреннего содержания морали, не только в области политики, но и в её общем понимании. Политико-социальная сфера для каждого индивида становится истоком морали, благодаря спекуляции и манипуляции, и соответственно он усваивает её деформированные и эфемерные формы.

Ещё один феномен секуляризации морали – это узурпация религией легитимности нравственных функций, аутентичность религии как единственного источника морали. Ещё Отто Р. отмечал, что является неправильным и ошибочным сведение морального к понятию религиозного (священного) [7, с. 12]. Несомненно, что религиозное не может быть без морального, но они не абсолютно тождественны и моральное не выводится из религиозного. При социализации религии (то есть её рационализации под действием общественных тенденций), происходит заимствование многих общественных (обыденных) элементов³, в том числе из политики через социум. Данное положение вещей приводит к редукции нравственных ценностей до утилитарных положений, нравственной формализации, институционализации морали (через институт церкви) и т.д. Таким образом, опосредовано через религию, как позиционируемый источник морали, происходит инициация относительной морали политико-социальной идеологии как абсолютной. Более того, когда религия узурпирует для себя права на мораль

¹ Вебер М. отмечал, что решение проблемных ситуаций в политике имеет место, и что государство является союзом, который имеет право на монополию легитимного насилия [3, с. 16]. В парадигме абсолютной морали вопрос насилия (заставления) – сложный и неоднозначный, который чаще всего указывает на невозможность его использования, либо использование как метод, обретающий законность, только в крайнем случае. Такое положение неприемлемо для политики, так как сложно применимо в объективном мире для достижения утилитарных целей.

² Отметим, что часто для истинности политическая идеология использует такие понятия как «истинные», «человеческие» и т.д. Барт Р. указывал, что прилагательные используются тогда, когда существенно как бы поражено износом и разлагается, и таким образом ему придаётся новая сила [1, с. 211].

³ Вебер М. указывал, что религия часто вступала в союз с искусством, с целью обретения массового распространения, обращаясь к «эмоционально окрашенной пропаганде» [3, с. 24]. Несомненно, что «эмоциональность» является одним из механизмов политической пропаганды и манипуляции. Обращаясь к социальным компонентам, религии приходится жертвовать своей аутентичностью.

(т.е. становится её истоком), а также, учитывая аспект её социализации, происходит усвоение и замена в общей аксиологической иерархии абсолютных ценностей компонентами политической «морали» (субъективные, спекулятивные, относительные и т.д.). И тогда происходит не просто вытеснение первичного содержания аксиологической системы, но и их пресечение и уничтожение, ибо они не способствуют прагматическому подходу политико-социальной системы.

Кроме того, можно отметить и антропологический кризис: если инициирована высокая степень социализации религии, то индивид не получает того, что он в ней ищет – например, уход от обыденности, ведь религия становится отражением этой обыденности, оперируя теми же понятиями, целями, мотивацией и т.д. Таким образом, она перестаёт быть методом спасения от повседневности.¹ Она становится лишь ещё одной формой той самой обыденности, искажающей нормы и положения абсолютной морали.

Литература

1. Барт, Р. Мифология. – М.: Академический проект, 2014. – 351 с.
2. Бирлайн, Дж. Ф. Параллельная мифология. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. – 336 с.
3. Вебер, М. Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
4. Гоббс, Т. Философское основание учения о гражданине. – М.: АСТ, 2001. – 304 с.
5. Гусейнов, А.А. Философия — мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. – СПб.: СПбГУП, 2012. – 840 с.
6. Макиавелли, Н. Государь; Рассуждение о первой декаде Тита Ливия. – СПб.: Азбука, 2013. – 273 с.
7. Отто, Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. – СПб.: АНО «Изд-во С.-Петербур. ун-та», 2008. – 272 с.
8. Фромм, Э. Отделение от себя // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». – М.: Алгоритм, 2009. – С. 97–104.
9. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / пер. Котенко Р.В., ред. Торчинов Е.А. – СПб.: Евразия, 1998. – 376 с.